

Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше

doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-39-68

Резюме:

В статье предлагается общий обзор трансформации политики памяти в Польше с 1989 по 2021 год в контексте постсоциалистической переходной рыночной экономики, одновременных процессов национального государственного строительства, европейской интеграции и создания региональных альянсов с соседними государствами. Прошлое рассматривается здесь как инструмент как внутриполитической борьбы, так и внешней политики. В постсоциалистической Польше возникли две конкурирующие парадигмы работы с прошлым. Первая сосредоточилась на либеральном и примирительном патриотизме, направленном на интеграцию в ЕС, и попыталась учесть исторические нарративы соседей и национальных меньшинств. Вторая парадигма — националистическая, критическая по отношению к идеологическим течениям в ЕС, направленная на устранение внутренних и внешних врагов, а также поощрение национальной гордости. Особое внимание уделяется новым перформативным приемам публичного переживания прошлого и исторической реконструкции в процессе пересборки польской коллективной памяти. Партия «Право и справедливость» коренным образом переосмыслила не только социалистический опыт, но и годы постсоциалистической трансформации. Через массовую публичную историю, основанную на спектакле и реконструкции, партия «Право и справедливость» создала мифопрактику, которая эффективно мобилизовала группы, лишенные преимуществ рыночных преобразований, отождествляя их с «отверженными солдатами» — антикоммунистическими партизанами 1940–1950 годов.

Ключевые слова: публичная история, постсоциализм, Польша, политика памяти, историческая реконструкция, национализм, этнические меньшинства, перформативное прошлое

Збигнев Шмыт — антрополог и профессор Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша. Проводил этнографические полевые исследования в Польше, Монголии, Северо-Восточном Китае и Сибири. Его научные интересы включают исследования миграции, урбанизации и публичной истории во Внутренней Азии и Польше.

Zbigniew Szmyt¹

The Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland

Reassembling the Past as an Instrument of Political Struggle: Public History in Post-Socialist Poland

Abstract:

The paper offers a general overview of the transformation of the politics of memory in Poland from 1989 to 2021 in the context of the post-socialist transition market economy, simultaneous processes of nation-state building, European integration and the building of regional alliances with neighbouring states. The past is seen here as an instrument of both internal political struggle and foreign policy. In post-socialist Poland, two competing paradigms for working with the past have emerged. The first focused on liberal and conciliatory patriotism aimed at integration into the EU, and tried to take into account the historical narratives of neighbours and national minorities. The second paradigm is nationalist, critical of ideological trends in the EU, aimed at eliminating internal and external enemies, as well as encouraging national pride. Particular attention is paid to new performative techniques of public experience of the past and historical reenactment in the process of reassembling Polish collective memory. The Law and Justice Party radically rethought not only the socialist experience but also the years of post-socialist transformation. Through mass public history based on spectacle and reenactment, the Law and Justice Party created a mythopractic that effectively mobilized groups excluded from the benefits of free-market transformation by identifying them with "cursed soldiers" — an anti-communist guerrilla from 1940-1950.

Keywords: public history, post-socialism, Poland, politics of memory, historical reenactment, nationalism, ethnic minorities, performative past

Третья Речь Посполитая — отмежевание от коммунистического наследия

Одним из последствий распада социалистического блока стал кризис сложившейся парадигмы публичной истории. Политическая трансформация создала потребность в новых стратегиях репрезентации прошлого, соответствующих проевропейским, демократическим и прорыночным стремлениям новой политической элиты. В Польше пересборка коллективной памяти осуществлялась путем последовательного отмежевания от социалистического наследия. При этом государство утратило монополию на репрезентацию исторической памяти в публичном пространстве, и предлагае-

1 Zbigniew Szmyt — an anthropologist and associate professor at The Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland. He conducted ethnographic fieldwork in Poland, Mongolia, North-East China and Siberia. His most recent project concerns migration, urbanization and public history in Inner Asia and Poland.

мые средства разрыва с социалистическим прошлым отличались разной степенью решительности [Korzeniewski 2014: 12]. В радикальной форме социализм представлялся как преступление, совершенное Советским Союзом в отношении польского народа с помощью предателей и ненастоящих поляков — людей, которых необходимо осудить, наказать и пожизненно исключить из политического поля.

Результатом плюрализации политической сцены стала полифонизация памяти, поскольку отрицательный образ политических оппонентов зачастую оформлялся с помощью исторических аналогий, в рамках которых противникам приписывались роли коллаборантов, оппортунистов, предателей или ретроградов из далекого и ближайшего прошлого.

Несмотря на это, в 1990–2000-х годах в Центральной и Восточной Европе существовал политический консенсус в отношении интеграции с Западной Европой. Нарратив о «похищенной Европе», разработанный в 1980-х годах, писателями Чеславом Милошем, Миланом Кундерой и венгерским историком Ено Сюме, получил всеобщее признание. В этом дискурсе — резонирующем с концепцией цивилизации С. Хантингтона — такие страны, как Чехословакия, Венгрия, Польша, культурно, религиозно и ментально всегда принадлежали к латинской западной цивилизации и вопреки своей воле оказывались в сфере советского влияния, теряя на полвека шанс на «естественное» развитие [Todorova 2009: 140–147].

41

Пятьдесят лет социалистической модернизации были признаны чуждым советским игом, сбросив которое следует вернуться на «нормальный» путь рыночно-демократического развития. Натурализация неолиберального порядка сопровождалась эксклюзивизацией целых сегментов общества [Buchowski 2018: 17–38]. Поскольку коммунизм считался насильственной идеологией имперского господства, принесенной на штыках Красной армии, большинство памятников отечественным и зарубежным коммунистам было убрано из публичного пространства. Топонимы и названия улиц также подверглись своеобразной деколонизации¹. В Польше коммунизм был законодательно признан тоталитарной идеологией наравне с нацизмом, а публичное представление коммунистической символики было запрещено. Вскоре после этого начался демонтаж памятников, связанных с Красной армией. При всем этом уже в 1989 г. первый де-

1 В последние годы можно наблюдать многочисленные попытки применять постколониальную теорию в отношении не-немецкоговорящей части центральной Европы, в том числе Польши (см. [Thompson 2014]). В данном случае важно подчеркнуть, что многие усилия польских националистов направлены одновременно на уничтожение следов советского господства и эмансипацию от западной культурной и экономической гегемонии [Wise 2010].

мократически избранный премьер-министр Тадеуш Мазовецкий в своей инаугурационной речи заявил:

В Польше должны быть восстановлены механизмы нормальной политической жизни. Переход сложный, но он не должен вызывать потрясений. Наоборот — это будет путь к нормальности. Принцип борьбы, который рано или поздно ведет к устранению противника, должен быть заменен принципом партнерства. Иначе нам не осуществить переход от тоталитарной системы к демократической. [...] Жирной чертой обводим прошлое. Мы будем нести ответственность только за то, что мы сделали, чтобы вывести Польшу из ее нынешнего состояния развала [Mazowiecki 2020: 7].

Политика «жирной черты» заключалась в отказе от расправы с отстранявшейся номенклатурой и криминализации социалистического прошлого в пользу достижения согласия по поводу направления польской трансформации. Это позволило интегрировать посткоммунистов в новое политическое поле, но вызвало негодование у крайне правых политиков, которые настаивали на последовательной люстрации и возбуждении уголовных дел в отношении членов государственного аппарата.

42

Историческая политика и новые места памяти, созданные государством и органами местного самоуправления, были ориентированы на построение независимой, антитоталитарной и католической идентичности. Памятники прежней эпохи заменены были памятниками Папе Римскому Иоанну Павлу II, памятниками «национального мученичества» в Катыни и Сибири. В рамках «разоблачения исторической лжи» почтили память жертв коммунистического режима: репрессированных солдат Армии Крайовой, политических деятелей, священников (в частности, блаженных мучеников: репрессированного примаса Стефана Вышинского и убитого сотрудниками службы безопасности капеллана Солидарности — Ежи Попелушко) и рабочих, погибших во время забастовок и протестов.

Был реорганизован календарь государственных праздников. Национальный день возрождения Польши — самый важный польский государственный праздник в период существования Польской Народной Республики, отмечаемый 22 июля, в годовщину объявления Манифеста Польского комитета национального освобождения, — был заменен Днем национальной независимости, отмечаемым 11 ноября в честь восстановления независимости Польши в 1918 г. Символическим было и изменение названия государства с Польской Народной Республики на Республику Польшу (букв. «Польская Речь Посполитая»). Таким образом, Третья Республика определила себя как продолжение Второй Польской Республики межвоенного периода и шляхетской Первой Речи Посполитой. Символом преемственности

государственных институтов была церемония передачи президентом Республики Польши в изгнании Рышардом Качоровским президентских инсигний президенту Леху Валенсе. День Победы был перенесен с 9 мая на 8 мая, что позволило дистанцироваться от отмечаемого в ПНР боевого братства с Красной Армией, подчеркивало участие польских войск в кампаниях под руководством западных союзников и вклад Армии Крайовой в борьбу с фашистской Германией.

В 1990-е годы было приложено много усилий для заполнения «белых пятен» в новейшей истории¹: были обнародованы преступления сталинского периода, Катынский расстрел, раскрывались и публично обсуждались архивы спецслужб. Было предпринято несколько попыток люстрации политиков и чиновников. Архивы стали политическим местом, а дела отдельных политиков — предметом бурных дискуссий в СМИ и на улицах². Работа с памятью происходила и на индивидуальном уровне: люди переписывали свои биографии, уменьшая или полностью вычеркивая свое взаимодействие с институтами социалистической власти. Для многих политиков большую опасность представляли архивы, в которых их противники искали следы сотрудничества [Пешков 2008: 89].

В 1998 г. был создан Институт национальной памяти (ИНП) как государственное учреждение, занимающееся изучением и распространением новейшей истории Польши. Этот институт сочетал в себе исследовательские, образовательные и прокурорские prerogatives. Очень быстро ИНП стал главным актором в поле исторической политики. Заполнение белых пятен пользовалось огромной поддержкой и привлекало большой общественный интерес, пока некоторые исследователи не стали предавать огласке преступления поляков против национальных и религиозных меньшинств как во время Второй мировой войны, так и в послевоенный период. Дискуссия, начатая книгой Яна Томаша Гросса «Соседи» [2000], посвященной погрому евреев в Едвабне в 1941 г., открыла для общественного обсуждения позорные страницы истории, которые многие поляки пред-

43

- 1 Требование ликвидации белых пятен впервые было выдвинуто «Солидарностью» в 1980 г.
- 2 В 1992 г. парламент проголосовал за отставку правительства Яна Ольшевского, когда оно решило обнародовать список парламентариев, которые, согласно архивам, были в числе сотрудников или осведомителей службы безопасности. В 2008 г. Институт национальной памяти издал книгу «Служба безопасности и Лех Валенса: очерки к биографии». Авторы на основе некомплектных архивных материалов утверждали, что Валенса был сотрудником спецслужб. Это издание стало частью реконфигурации памяти о легендарном профсоюзе «Солидарность» и символического захвата его наследия близнецами Качиньскими.

почли бы предать забвению. Раскрытие правды о событиях, которые замалчивались или вытеснялись из коллективной памяти, таких как еврейские погромы, «шмальцовничество» (шантаж или сдача евреев нацистам с целью захвата имущества), массовая гибель большевистских военнопленных в 1920 г., насильственное переселение украинского и немецкого мирного населения, встретило категорическое сопротивление значительной части общества, не склонной подвергать сомнению пафос польской жертвенности и героизма

Таким образом, историческая политика времен трансформации характеризовалась двумя тенденциями. С одной стороны, история способствовала интеграции с Евросоюзом, а с другой — отказу от коммунистического прошлого. Период 1944–1989 гг. был определен как время советской оккупации, очередного разрыва в преемственности истории польской государственности после разделов Первой Речи Посполитой в конце XVIII в. [Wolff-Powęska 2017: 14], а для радикальной части политического истеблишмента память о ПНР сводилась к истории притеснения и сопротивления. Несмотря на периодические электоральные успехи постсоциалистических партий, долгое время существовал консенсус относительно негативной оценки коммунистического периода и положительной оценки проевропейской судьбы Польши. Посткоммунистическая социал-демократия предпочитала не выходить на минное поле исторической политики, пытаясь забыть свое авторитарное прошлое. В неолиберальной Польше всякие формы ностальгии по социалистическому прошлому были относительно быстро вытеснены из публичного пространства с помощью коллективной фигуры *homo sovieticus* — образа неприспособленной, ленивой и пассивной массы, тоскующей по режиму, который не давал свободы, но гарантировал стабильность [Buchowski 2018: 39–45]. Построенный таким образом внутренний субалтерн, постсоциалистический «Другой», лишился голоса и права на репрезентацию. Исключение этой «неправильной памяти» из публичного дискурса [Пешков 2013: 92–93] было одним из следствий первоначального консенсуса всех политических партий. Расслоение и окончательный раскол в польской публичной истории произошли в результате использования исторической политики партией «Право и Справедливость» (ПиС) в политической борьбе с «Гражданской платформой» (ГП).

Четвертая республика — «отверженные солдаты» и разрыв с педагогикой стыда

В ходе победоносной парламентской и президентской кампании в 2005 г. партия «Право и Справедливость» переформулировала новейшую историю и создала новый словарь публичной истории. Лидеры партии, братья Качиньские, определили Третью Республику

как коррумпированное посткоммунистическое явление, основанное на гнилом компромиссе либералов с коммунистами и служащее посткоммунистической элите. Они возвестили о необходимости строительства четвертой республики, возвращения к патриотическим ценностям и проведения «активной исторической политики», которая отстаивала бы интересы польского народа. По мнению правых политиков и журналистов, либералы из «Гражданской платформы», желая добиться признания в глазах Запада, отказались от патриотизма в пользу модного космополитизма. Публичное покаяние в причастности польских граждан к преступлениям против польских евреев, депортации немцев или гибели большевистских военнопленных было объявлено «педагогикой стыда» — деятельность, противоречащая польской *raison d'Etat*, релятивизирующая нацистские и большевистские преступления [Szkudlarek 2018: 38–40]. Компрадорская педагогика стыда была противопоставлена национальной гордости. Деятельность и участие поляков в позорных и преступных действиях начали подвергаться сомнению, а защитный контрнарратив посредством многочисленных мемориалов, фильмов и публикаций превозносил «праведных» поляков, которые спасали евреев, боролись с коммунизмом и нацизмом.

45

Новую историческую политику следовало проводить с помощью традиционных учреждений, созданных для этой цели (телеканал «ПТВ История», Институт национальной памяти, Музей Второй мировой войны, Музей польских евреев Полин, Музей Варшавского восстания), национальных праздников¹, а так продвижение коммеморативных и идентификационных практик. Так называемые «отверженные солдаты» (пол. *żołnierze wyklęci*) — члены польского антикоммунистического подполья, которые не воспользовались амнистией и продолжали борьбу с коммунистическим режимом в Польше, Литве, Западной Белоруссии и Украине. Возвращение памяти об этих отчаянных партизанах стало пропагандироваться как главный долг поляков перед историей.

В 2017 г. президент Анджей Дуда в интервью «ПТВ История» под названием «Возвращение памяти» назвал историческую политику опорой своего президентства:

1 Национальный день памяти «отверженных солдат», Национальный день памяти поляков, спасавших евреев во время немецкой оккупации, День крещения Польши, День борьбы и мученичества польской деревни, День памяти национального восстания, День солидарности и свободы, Национальный день памяти нестигаемого духовенства, Национальный день победоносного Великопольского восстания, Национальный день памяти жертв геноцида, совершенного украинскими националистами над гражданами Второй Республики Польши.

Дело не в том, фальсифицирует кто-то историю или нет. Важны две вещи — как мы расставляем акценты, показывая эту историю, и второе — говорим ли мы всё? Есть ли белые пятна в истории? Во времена Польской Народной Республики в истории было много лжи. Сейчас ведется кропотливая работа по выявлению правды [...]. Президент Лех Качиньский и его соратники проводили политику восстановления памяти — это чрезвычайно важная вещь. Это были награды для истинных героев нашей независимости, как времен борьбы за настоящую свободу РП после 1945 года, то есть тех, кого сегодня мы называем неспиаемыми воинами, второй конспирацией, так и тех, кто боролся с коммунизмом в 1960-х и 1970-х [...] — эти люди покрыты мраком забвения [...] Это была все время какая-то педагогика стыда. На самом деле, до президентства профессора Леха Качиньского патриотизм был не в моде. Историческая правда была не в моде. Многие влиятельные посты, к сожалению, и после 1989 года в СМИ и на других высоких должностях занимают люди, чьи родители, бабушки и дедушки активно боролись за укрепление коммунистического строя, т. е. были предателями. Они никогда не согласятся на то, чтобы правда о поступках их отцов, дедов и прадедов восторжествовала в польском историческом нарративе. Они всегда будут против этого бороться. Эти люди не заинтересованы в том, чтобы отверженных солдат называли героями, потому что их родители отдали Польшу в руки Советского Союза [Duda 2017].

46

Программное интервью польского президента создает фиктивную преемственность между институтом сопротивления советскому империализму и его «наместниками», стоящими у власти в ПНР. Предательское дело коллаборационистов и пособников советского режима продолжала «посткоммунистическая элита», которая до недавнего времени правила Польшей и намеренно «покрывала настоящих героев мраком забвения». Фетишизация отрядов антикоммунистического сопротивления способствует драматизации коммунистического прошлого, акцентируя его brutальные стороны. Процесс поиска и торжественного захоронения тел «отверженных солдат» стал ключевым элементом некрополитики памяти, поддерживающий определенный нравственный порядок. С 2011 г. в Институте национальной памяти работает специальный отдел, занимающийся розыском и идентификацией жертв коммунистического строя¹. В этой работе участвуют волонтеры из фондов патриотического поиска. В 2016 г. директор департамента ИНП по поиску жертв коммунизма Кшиштоф Швагжик подсчитал, что осталось найти не менее десятка тысяч захоронений. По его мнению, «эти массовые ямы смерти, перемешанные останки, про-

1 В польской историографии и политике принято маркировать личное отношение к предыдущему политическому строю на лексическом уровне; противники ПНР употребляют термин «коммунизм», считая слово «социализм» неадекватным для тоталитарного режима.

стреленные черепа — все это говорит о коммунизме больше, чем самые достоверные учебники истории» [Szwagrzak 2016]. Тела жертв коммунистического режима свидетельствуют о коллективной вине тех, кто сотрудничал с социалистическим польским государством, их потомков и тех, кто не предпринимал никаких усилий для их поиска. При таком определении постсоциалистические элиты теряют моральное право на власть и представительство в публичном дискурсе. Они также лишены права на собственное историческое повествование, заранее определяемое как «фальсификация истории». Восстановление памяти об «отверженных солдатах», по мнению президента, лишает легитимности политических оппонентов как предателей Родины, потомков советских агентов и разрушителей национальной памяти, скрывающих преступления своих предков.

Отверженные солдаты стали ключевыми фигурами исторической политики государства и вытеснили ранее прославленных героев Армии Крайовой. В 2019 г. в Остроленке в присутствии премьер-министра Матеуша Моравецкого был открыт Музей отверженных солдат. Отверженные проникли также в поп-культуру. Феномен их коммеморации приобрел массовый характер, приняв черты банального национализма (см.: [Billing 1995]). Полевые командиры стали изображаться на муралах по инициативе органов местного самоуправления, советов жилых комплексов и футбольных болельщиков. Отверженные персонажи появились на остановках, мусорных баках, фасадах домов и стенах по всей Польше, заменив столь популярные с 1990-х граффити. Таким образом, почти все городское и сельское пространство превратилось в места памяти. Героями росписей часто становятся местные «отверженные», описанные региональными отделениями ИМП. За несколько лет сложился канон уличной иконографии. Кроме отверженных солдат, на муралах часто изображаются Богоматерь (королева Польши) и гусары, напоминающие о победе над Османской империей под Веной в 1683 г. Согласно распространенному мнению, польская интервенция защитила тогда Европу от ига ислама, и обязанность современного патриота состоит в том, чтобы защищаться от мусульманских мигрантов, наводняющих Европу, как османские полки в прошлом. Реже встречаются изображения Юзефа Пилсудского, Игнатия Падеревского, Папы Римского Иоанна Павла II, Марии Склодовской-Кюри, защитников Вестерплатте (1939), силезских (1919–1921), великопольских (1918) и варшавских (1944) повстанцев, участников восстания 1930 и 1963 гг., партизанских отрядов, а также различных символов. Муралы украшены цитатами из «отверженных» — их последних писем, фрагментов показаний на допросах. Как правило, муралы сопровождаются лозунгами (среди самих популярных — «Бог, Честь, Отечество», «Amor patriae nostra lex», «Бог доверил нам

честь поляков, и мы отдадим ее только Богу», «Смерть врагам Родины»), цитатами из песен футбольных болельщиков и стихов правых рэперов [Hołda 2020].

Презентизм активной исторической политики основан на ряде метафорических отождествлений, связывающих исторические группы, персонажей и события с современными социальными группами и экономическими отношениями. Согласно нарративу «Права и справедливости», Третья республика была захвачена посткоммунистической элитой, которая получала прибыль, не заботясь о простых людях. ПИС обратилась к исключенным социальным группам, предложив щедрую социальную политику, а также поддерживая как патриотов футбольных болельщиков и крайне националистические организации, еще недавно заклеенные политическими элитами как «хулиганские». Новые отверженные были вовлечены в мемориальную деятельность и превратились в активистов, защитников национального, католического и цивилизационного наследия Европы. Отказавшись от дальнейшей интеграции с ЕС и продвигаемых в ЕС левацких ценностей, правые политики и журналисты стали порочить ЕС как новое воплощение СССР, которое навязывает ЛГБТ-идеологию, поддерживает исламизацию Европы и пропагандирует «цивилизацию смерти» — аборты, контрацепцию и эвтаназию. Министр образования Пшемислав Чарнек в 2020 г. заявил:

48

Мы в Европе опустились ниже, чем Советский Союз при коммунизме. В СССР были чиновники, которые делали все под диктовку марксистов, но не верили в марксизм, а те люди, о которых мы слышим сегодня, — они слепо верят; это неомарксисты, постмодернисты, которые нас терпеть не могут [Bereza 2020].

В том же году ему вторил Ярослав Качиньский:

Польше предстоит серьезный бой с теми, кто хочет навязать нам свои ценности и подчинить себе [...] Даже при коммунизме определенные сферы человеческой свободы, возможность выбора можно было защитить. [...] И сегодня институты Европейского Союза [...] требуют от нас подвергнуть критике всю нашу культуру, отказаться от всего, что для нас принципиально важно [Kaczyński 2020].

В этой риторике истинные патриоты предстают недооцененными изгоями, которые, подобно отверженным солдатам в 1945 г., должны бороться с новым тоталитаризмом. Программа субсидирования обездоленных граждан, возвращение им голоса и субъектности обеспечили ПИС победу на следующих парламентских и президентских выборах, а идентификация с отверженными солдатами, защищающими Польшу от тоталитарной цивилизации

смерти, приняла массовый характер. Помимо муралов, появилась мода на так называемую патриотическую одежду, продаваемую в специальных магазинах. Там можно купить толстовки и футболки с отверженными солдатами, кружки, ручки и даже бейсбольные биты с эмблемой сражающейся Польши. В последние годы местный аналог российских «гопников» практически поголовно одевается в патриотическую одежду, но эта мода выходит далеко за пределы данной группы. Ряд символов и эстетика, характерные до сих пор для футбольных болельщиков и неонацистов, распространились на большую часть общества. С ростом популярности татуировок патриотическая эстетика внедрилась в тела ее сторонников. В то же время возник новый музыкальный жанр, восхваляющий отверженных солдат и других героев родины. Патриотический поворот затронул часть хип-хоп-сцены. Националистический рок и рэп продвигаются общественным телевидением и радио, а лучшие группы приглашаются для музыкального оформления государственных праздников. Эта довольно современная, часто простонародная форма распространения очень консервативных ценностей стала визитной карточкой польской Пис. Благодаря государственному финансированию был также создан ряд художественных и документальных фильмов, восхваляющих нестигаемых борцов с коммунизмом.

49

Эффективное отождествление масс с отверженными солдатами позволяет провести аналогию, в соответствии с которой либеральные политики и социал-демократы выступают в роли заговорщиков и предателей, сотрудничающих с новым СССР — Евросоюзом. Отверженные солдаты не всем понравились, но их культ стал постоянным элементом простонародного национализма. Иногда их используют для проявления символического господства над национальными меньшинствами. Сценой столкновения враждующих памятей стала Хайнувка — небольшой городок, расположенный на границе с Беларусью и населенный в значительной степени православными. С 2016 г. Национально-радикальный лагерь организует там мемориальное шествие в память об отверженных солдатах, которое пестрит изображениями полевого командира Ромуальда Раиса (позывной Бурый), виновника массовых расстрелов белорусского населения в Хайнувке и окрестных селах зимой 1946 г. Толпа, скандирующая «Бурый — наш герой» и «Смерть врагам Родины» под окнами родственников жертв полевого командира, вызывала многократные протесты со стороны МИД Беларуси, а также ряда оппозиционных политиков и антифашистских организаций.

Марши стали блокироваться активистами и превращаться в потасовки. В 2020 г. городской совет Хайнувки запретил «обреченные» шествия. В следующем году организаторы провели вместо шествия

автопрогон по селам, где жили расстрелянные Бурым белорусы. Свою позицию в конфликте заняла Польская Православная Церковь, которая в 2020 г. канонизировала 79 жертв Бурого как «подляских мучеников» и установила дни памяти их мученичества в литургическом календаре [Doroszkievicz 2020].

Меньшинства и соседи: немцы, евреи, украинцы

Политика памяти и современная геополитика создают напряжение и двусмысленность, которые вынуждают политических союзников искать компромиссы в поле памяти и истории. Русских легко заклеить как вечных врагов свободы и демократии, но по отношению к другим соседям требовалось больше усилий. Необходимо было выработать некое согласие по оценке трагических событий XX в. — компромисс в отношении прошлого, который не мешал бы политическому сотрудничеству в настоящем. Для многих поляков такие компромиссы были болезненными. Основной парадигмой, связывающей польскую политику памяти в социалистические и постсоциалистические времена, была христологическая фигура польского народа-мученика, одержавшего моральную победу. В ПНР были разоблачены и зафиксированы бесчинства и геноцид, который творили немцы, а после отмены цензуры в 1989 г. этот ряд дополнился советскими злодеяниями.

В националистической парадигме коллективной памяти полякам отводятся три роли: героя, жертвы или предателя. Процесс восстановления памяти заключается в прославлении жертв и героев и разоблачении прокоммунистических предателей, а затем в наложении исторических рамок на современное политическое поле. В данной парадигме роль злодея могут исполнять только значимые чужие (русские, немцы, украинцы, а иногда и польские евреи) или сотрудничавшие с ними граждане, которые этим актом вычеркнули себя из польского народа. Все попытки демифологизации образа антикоммунистического подполья осуждаются как вероломное посягательство на национальную святыню. В публичном пространстве нет места для памяти о тысячах жертв отверженных солдат — украинских и еврейских мирных жителей, польских крестьянах, решивших принять участие в земельной реформе или вступить в органы местного самоуправления. Эти «неприятные инциденты» могут стать предметом исследований ученых (см.: [Engelking 2004]), но освещение таких вопросов в СМИ расценивается правыми политиками и их электоратом как антипольская деятельность, подрывающая основы государства. Равным образом беспощадно пресекаются любые попытки «немецкого ревизионизма». Воплощением враждебной политики памяти стала Эрика Штайнбах — депутат

Бундестага, президент Федерации изгнанных в Германии, инициатор строительства в Берлине Центра против принудительных выселений. Попытки институциональной коммеморации немцев, изгнанных с территорий, переданных Польше после ВМВ, встретили резкое сопротивление со стороны польского МИДа и лидера Пис. Ярослав Качиньский в 2011 г. объявил Эрику Штайнбах человеком, который заслуживает того, чтобы оставаться персоной нон грата в Польше. В том же интервью он заявил:

Мы должны вести активную историческую политику. Напомнить, как было на самом деле — что не было польских концлагерей, только немецкие — нацистские. Мы должны поднимать этот вопрос как можно чаще. Необходимо построить Музей западных земель, Музей немецких преступлений в Польше — желательно построить его в Познани. Мы должны относиться к этому как к нашему моральному преимуществу. Евреи превратили такой моральный актив в могучую силу, а мы вместо этого сами стали бить себя в грудь. Мы должны четко выразить свою позицию. Г-жу Эрику Штайнбах нельзя пускать в Польшу, если она ведет себя неподобающим образом [Kaczyński 2011].

Идея морального шантажа как инструмента международной политики в последующие годы переродится в требования возмещения Германией ущерба, нанесенного в 1939–45 гг. Хотя шансы на многомиллиардные репарации невелики, это однозначный политический сигнал: сначала вы заплатите за свои грехи, и тогда мы сможем приступить к разговорам о немецких беженцах. В отличие от профессионального историка, публичная история прежде всего подвергает исторические события национальному обобщению и моральной оценке. Впоследствии коллективные фигуры исторической драмы противопоставляются друг другу: поляки (жертвы), немцы (преступники). Преступник не имеет морального права жаловаться на то, что он был наказан.

Амбивалентный статус в польской политике памяти присваивается евреям. С одной стороны, как главные жертвы нацистских преступлений, они включены в статистику польских граждан, погибших от рук немцев. Мемориальные музеи Холокоста, такие как Государственный музей Аушвиц-Биркенау, являются крупнейшими мемориалами, которые посещают сотни тысяч посетителей со всего мира. О тысячелетнем присутствии евреев в Польше свидетельствует Музей истории польских евреев Полин в Варшаве, построенный в 2005 г. В то же время в активной исторической политике, продвигаемой Пис, нет места для дискуссии об участии польских граждан в уничтожении евреев. В 2018 г. Сейм принял возмутительный закон о деятельности ИИП. Статья 55а измененного закона предусматривает судебное преследование и лишение

свободы на срок до 3 лет за публичное и противоречащее фактам возложение ответственности на польское государство или польский народ за немецкие преступления, совершенные во время ВМВ, или «за другие преступления против мира, человечности или военные преступления» [Dz.U.2018.1277]. От ответственности освобождаются авторы научных и художественных произведений, что указывает на реальную задачу этого закона — убрать из публичного пространства конкурентные исторические нарративы: репрезентации прошлого, в которых поляки предстают не жертвами, а виновниками или соучастниками преступлений.

Новый закон в некотором роде сводит на нет жесты примирения, сделанные по отношению к родственникам жертв предыдущими польскими президентами, которые готовы были признать с некоторыми оговорками (возлагая ответственность на предполагаемых зачинщиков: нацистов, коммунистов или спецслужбы) участие поляков в грабежах еврейского имущества и некоторых погромах, например, в погроме в Кельце в 1946 г. Закон удовлетворяет требования некоторых правых политиков, которые озвучивали опасения по поводу еврейских организаций из Израиля и США, требующих возвращения еврейской недвижимости, национализированной после войны или захваченной польскими соседями. Патрик Яки, статс-секретарь Министерства юстиции, заявил, что спор вокруг изменения закона об Институте национальной памяти означает оказание давления на закон о реституции имущества. По словам Яки, «полякам “шьют” Холокост» [Babińska 2018: 12].

Лакмусовой бумажкой отношения польских граждан и государственных учреждений к непростой польско-еврейской истории во время немецкой оккупации и в послевоенный период стало дело о погроме в городке Едвабне 10 июля 1941 г. — через несколько недель после того как немцы отвоевали этот регион у Советского Союза. В послевоенной Польше состоялся судебный процесс, и несколько зачинщиков погрома было приговорены к высшей мере наказания или к многолетнему лишению свободы, но дело получило международную огласку много лет спустя благодаря книге Яна Т. Гросса «Соседи» [2002]. Книга, изданная в Польше в 2000 г., вызвала дискуссию об участии поляков в уничтожении евреев. В том же году президент Александр Квасьневский, а также премьер-министр Ежи Бузек сочли бесспорным причастие поляков к погрому и публично извинились за содеянное в Едвабне, что вызвало возмущение некоторых правых кругов. Расследование погрома в 2000–2004 гг. провел ИНП. Следствие быстро установило, что виновниками были местные поляки, но долго объясняло причастность к этому событию оккупационных властей, что, впрочем, трудно было доказать.

И сотрудники Института национальной памяти, и историки, вступавшие в полемику с Гроссом, пытались размыть польскую ответственность с помощью нескольких аргументов, применимых к большинству случаев такого рода: 1) ответственность несут оккупационные власти, потому что в это время эти районы не находились под контролем польского государства; 2) преступления были организованы и, вероятно, совершались под руководством немцев — это были не мы, а если кто-то из наших и участвовал, то он был лишь инструментом в руках настоящих преступников; 3) польское население убивало не евреев, а преследовавших их ранее коммунистических функционеров — этническая принадлежность здесь не имеет значения; 4) погром был организован предателями, которые сотрудничали до этого с НКВД и таким образом хотели замести следы сотрудничества и угодить немцам: убивали не поляки, а коммунисты-коллаборанты — лжеполяки; 5) это был бытовой грабеж, вызванный немецким согласием на присвоение еврейского имущества: погром как рейдерский захват. Вышеупомянутые, порой взаимно противоречивые, объяснительные модели в совокупности отделяют поляков как нацию от Холокоста, поскольку они пытаются либо доказать, что преступления не были совершены настоящими поляками, либо, допуская участие поляков, подчеркивают мотивы, отличные от расовой ненависти и программного уничтожения евреев. Попытки рефрейминга трагедии могут быть реакцией на когнитивный диссонанс, вызванный фигурой поляка-палача в обществе, где с 1945 г. культивируется этос поляка — жертвы нацистского насилия. Для ультраправых Едвабне — это ловушка памяти, с помощью которой Германия пытается перебросить ответственность за Холокост на поляков, а евреи из США и Израиля используют моральный шантаж, чтобы присвоить себе недвижимость и потребовать от поляков непосильных компенсаций.

53

В 1961 г. на месте погрома был установлен памятник с надписью: «Место казни еврейского населения. 10 июля 1941 года гестапо и нацистская военная полиция заживо сожгли 1600 человек». Ввиду протестов против искажения истории спорная надпись была окончательно заменена в 2021 г. надписью, не называющей национальной принадлежности виновных: «В память о евреях из Едвабне и его окрестностей, мужчин, женщин, детей, совладельцев этой земли, убитых и заживо сожженных на этом месте 10 июля 1941 года». В августе того же года памятник был осквернен надписью «Мы не извиняемся за Едвабне». Несмотря на обряды богослужения и поминальные церемонии, в Едвабне стали устраиваться националистические акции протеста, отрицающие участие поляков в погроме. Едвабне стал местом конфликтов памяти. В 2010 г. акционист Рафал Бетлеевский в рамках хэппенинга «Сожжение сарая», приуроченного к 69-й

годовщине еврейского погрома в Едвабне, сжег сарай с записками, символизирующими чувство ненависти к евреям¹. В 2012 г. в кино-театрах появился фильм «Колоски» режиссера Владислава Пасиковского, в общих чертах отсылающий к истории погрома в Едвабне, который правые журналисты провозгласили эталоном педагогики стыда (см.: [Grajewski 2012]).

Память о взаимоотношениях в 1930–1940 годах — это причина амбивалентного отношения к украинцам. С одной стороны, Украина воспринимается как важнейший союзник Польши на востоке. Демократическая и независимая Украина, согласно доктрине, сформулированной Збигневом Бжезинским, должна быть гарантом независимости Польши и могильщиком имперских стремлений России. После 2014 г. украинцы стали не только фигурой памяти, но и массово вернулись в польскую повседневность. Более 1,5 млн украинцев постоянно работает в Польше, являясь крупнейшей мигрантской группой в стране. Это дружеское сосуществование, основанное на общности интересов и схожем опыте эмансипации от российского влияния, омрачается памятью о геноциде на Волыни в 1943 г., послевоенной депортации польских украинцев в рамках операции «Висла» и партизанской вражде украинского и польского подполья, сопровождавшейся гражданскими жертвами. На самом деле мы имеем дело с похожими, но противоположными структурами памяти. По крайней мере для западных украинцев УПА является аналогом польских подпольных организаций, а ответственность за Волынскую резню (называемую в Украине Волынской трагедией) регулируется механизмами, аналогичными тем, что были задействованы при оправдании трагедии в Едвабне: 1) это была ответная мера на притеснения и преследования со стороны привилегированных польских переселенцев; 2) поляки сотрудничали с немцами и притесняли украинцев как немецкие полицаи; 3) это была советская или немецкая провокация; 4) Армия Крайовой в отместку убила тысячи украинских крестьян; 5) на самом деле бойню устроили бойцы НКВД, переодетые в мундиры УПА.

Ради добрососедских отношений предпринимались попытки выйти за рамки словаря национальной вины и вместе почтить память погибших украинцев и поляков. В 2007 г. благодаря усилиям президентов Ющенко и Качиньского торжественно почтили память не только погибших на Волыни, но и жертв принудительного пере-

1 Тот же художник уже много лет в местностях, где когда-то жили евреи, создает на стенах надпись: «Мне не хватает тебя, еврей!» (пол. *Tęsknię za Tobą żydzie*), пытаясь — с разным эффектом — вовлечь в этот процесс местных жителей.

селения в ходе операции «Висла». В то время как для польского президента осуждение акции «Висла» было достаточно простым жестом (ее осуществляли тоталитарные коммунистические власти), для Ющенко, строившего национальную идентичность на культе УПА, признание геноцида было сложным компромиссом. Несмотря на все жесты примирения, не была решена основная симметричная проблема, возникшая в результате использования темы националистического подполья 1940-х годов в процессе пересборки национальной идентичности¹. Честно сражаясь за свободу, национальные герои порой совершали преступления против мирного населения, а во многих случаях возмездие противоборствующей стороны сводилось к безжалостным этническим чисткам. Компромиссам в исторических нарративах обеих стран способствует часть политической и интеллектуальной элиты в Польше и Украине, но, кроме националистов, против него возражают потомки жертв, а также потомки жертв депортаций (поляки из Украины и украинцы, переселенные на бывшие немецкие земли), ставшие носителями и свидетелями травмирующего прошлого. Потомки жертв играют роль заместителей свидетелей [Zeitlin 1998], культивируя императив свидетельства правды о мученической смерти жертв на фоне примиренческих жестов политиков. Одним из лидеров фронтирной памяти о Волынской резне является священник отец Тадеуш Исакович-Залеский: его предки-армяне были родом из украинских окраин Второй Речи Посполитой. Отец Исакович-Залеский организовал серию акций протеста против присвоения статуса героев лидерам УПА, чествования президентов Украины Ющенко и Порошенко, которые, по его мнению, восхваляли виновников геноцида поляков и армян на Украине. Отец Залеский является автором ряда книг и публикаций о геноциде на украинских землях, в том числе книги «Замолчанный геноцид на Кресах»² [Isakowicz-Zaleski 2008 г.].

- 1 Здесь мы вынуждены абстрагироваться от внутриукраинских конфликтов между постсоветской и националистической парадигмами памяти, но заметим, что этот конфликт порой распространяется и на Польшу. К 70-летию волыньских событий, когда парламент ПР работал над резолюцией, которая должна была почтить память жертв Волынской резни, маршалу Сейма Еве Копач было направлено открытое письмо с просьбой признать Волыньскую трагедию геноцидом, совершенным в отношении поляков националистами из УПА. Письмо подписали 148 украинских парламентариев от Компартии и Партии регионов. Подписавшиеся просят «увековечить правду о жертвах резни: белорусах, поляках, евреях, цыганах, русских и украинцах».
- 2 Кресы («окраина») — польское название территорий западной Украины, западной Белоруссии и Литвы, некогда входивших в состав межвоенной Польши: этот термин является элементом геополитической памяти о «потерянных землях».

Немало проблем возникает при попытках создавать (или содержать существующие) польские мемориалы в Украине. Нередко местные украинские власти недоброжелательно относятся к польским коммеморативным инициативам, рассматривая их как проявление враждебной исторической политики на своей территории. Это часто приводит к обструкциям в реализации взаимных договоренностей. Столкнувшись с этой проблемой, организации и общественные объединения, которые заботятся о польских кладбищах, памятниках и прочих местах памяти в Украине, стали действовать самостоятельно — без посредничества польского государства. Это еще один пример *инициированных снизу* форм культивирования коллективной памяти.

В 2013 г. во время празднования 70-летия событий на Волыни была предпринята попытка диалога с украинскими политиками, историками и духовенством, но результаты оказались недолговечными. Организованная Институтом национальной памяти выставка «Волынь 1943. Зов из несуществующих могил» представляла памятники, установленные в Украине: Степану Бандере и командующему сектором «УПА-Север» Дмитрию Клячкивскому. Фотографии сопровождалась цитатами из вышеупомянутых деятелей, где они призывали к зачистке поляков и следов польской культуры в Украине [Siemaszko 2013: 14-15]. Выставка под открытым небом объехала всю Польшу, в очередной раз обнажая принципиальные расхождения в оценке ключевых действующих лиц совместной истории.

Среди дюжин юбилейных мероприятий наибольшую полемику вызвал спектакль исторической реконструкции «Волынская резня 1943 года — жертвы призывают не к мести, а к памяти», транслируемый двумя телеканалами. В селе Радымно под Перемышлем группа из 200 реконструкторов разыграла сцену, где отряд УПА окружил польскую деревню, сжег дома и убил ее жителей. Историческое зрелище сопровождалось музыкой, сочиненной по этому случаю знаменитым композитором Кшесимиром Дембским, родители которого погибли на Волыни. Предваряющее постановку повествование объясняло безжалостность и коварность украинских националистов, которые внезапно взялись истреблять неповинных соседей. Реконструкция стала тщательным воспроизведением эпизода из прошлого. В отличие от перформанса, во время которого профессиональный акционист на глазах у приглашенной публики сжег сарай, символизирующий аналогичную конструкцию, в которой поляки сожгли евреев в Едвабне, в исторических реконструкциях принимают участие активисты-любители, создавая впечатление причастности к историческим событиям и отождествления с их героями. Многие зрители задавались вопросом этичности такого рода

реконструкции. С тех пор граница допустимого в исторической реконструкции несколько раз передвигалась.

После возвращения ПиС к власти в 2015 г. польские институты памяти сосредоточились на продвижении националистических толкований прошлого. В 2017 г. правительство отказалось от субсидирования и участия в мемориальных мероприятиях по поводу 70-летия акции «Висла», подготовленных организациями польских украинцев в Перемышле. В торжествах приняли участие представители оппозиции и многие известные интеллектуалы, которые осудили принудительное переселение как этническую чистку. Мемориальные торжества выявили жесткую оппозицию бескомпромиссной, националистической политики памяти правых и более примирительной политики либералов и левых. Поскольку не удалось согласовать точки зрения на трагическое прошлое, польские власти решили сфокусироваться на позитивных элементах совместной истории. В 2020 г. президент Дуда пригласил президента Зеленского вместе отметить столетие Варшавской битвы, напомнив, что украинские воины были союзниками поляков в войне против большевиков. В связи с годовщиной городским площадям в Варшаве, Гданьске и Кошалине было присвоено имя генерала Марка Безручко — командира Сечевых стрельцов, причастных к разгрому Конной армии Буденного. В условиях невозможности выработки общего пространства памяти при одновременной потребности в сотрудничестве мы можем наблюдать деятельность, направленную на поиск исторических точек соприкосновения, позволяющих преодолеть взаимное недоверие, возникающее в результате сложившегося в коллективной памяти негативного опыта.

57

Мифопрактика и перформативный поворот

Общественные ритуалы являются неотъемлемой частью публичной истории, но за последнее десятилетие в польских коммеморативных практиках произошел качественный сдвиг: от формализованных коммеморативных практик к перформативному воссозданию и переживанию прошлого. Переломным стал период траура после авиакатастрофы в Смоленске 10 апреля 2010 г., в которой погибли президентская чета и десятки высокопоставленных госчиновников. Национальный траур и последовавшие за ним события можно описать в категориях социальной драмы [Turner 1975; ср. Kołodziejczak 2015; Michoń 2016]. Внезапная смерть главы государства нарушила устоявшийся политический и общественный порядок и ввела общество в лиминальную стадию, во время которой обострились социальные конфликты. Инаугурацию нового президента в августе и перенос так называемого Смоленского креста от президентского

дворца в церковь св. Анны можно рассматривать как меры по восстановлению общественного порядка, но впоследствии произошла не социальная реинтеграция, а раскол на сторонников теории заговора об убийстве президента и их антагонистов. В ходе этого процесса был установлен новый, перформативно-мифический режим историчности, который послужил каркасом идентичности для сторонников строительства Четвертой Польской Республики.

Поскольку президент Качиньский погиб во время поездки в Катынь, где он должен был почтить память польских военнопленных, расстрелянных НКВД в 1940 г., всего через несколько часов после крушения президентского Ту-154 СМИ начали сравнивать две польские трагедии, случившиеся «на проклятой смоленской земле». Первоначально объяснения произошедшего в Смоленске возникали стихийно в рамках мифо-исторического мышления, а затем все более программно. Через два дня после катастрофы депутат от Пис Артур Гадомский в журнале «Наш Дженник» опубликовал статью «Я обвиняю Москву», в которой обвинил российское руководство в подготовке «новой Катыни» [Michoń 2016: 219]. Тезис о «смоленском теракте» — заговоре В. Путина и польского премьер-министра Дональда Туска, в результате которого была убита польская политическая элита, — стал затем полуофициальной версией, продвигаемой Ярославом Качиньским и Антонием Мацеревичем (видным политиком Пис и министром обороны), который создал собственную комиссию по расследованию авиакатастрофы. В публичных дебатах после катастрофы встречаются такие фразы, как «они погибли в Катыни», «погибли, сражаясь за правду», «вторая Катынь», «мученическая смерть в Катыни», «последняя дорога, ведущая в Катынский лес», «поляки становятся большой катынской семьей» [Paluchowski, Podemski 2019: 255].

Брат покойного Леха Качиньского обвинил Дональда Туска (главу ГП) в подготовленном по сговору с Владимиром Путиным теракте, а во время мемориальных мероприятий, организованных по поводу второй годовщины катастрофы, заявил, что жертвы авиакатастрофы были «преданы перед рассветом». Таким образом Качиньский цитируя известное стихотворение Збигнева Герберта о польских военнопленных, убитых в Катыни, сравнил жертв авиакатастрофы с убитыми Сталиным офицерами. Катынский топос с характерным мотивом кровавого жертвоприношения относится к мессианским традициям польского национализма, что объясняет крестовые шествия — важную часть траурных и мемориальных событий, которыми были насыщены долгие месяцы после катастрофы.

Смоленскую мифологию транслирует фильм «Смоленск», вышедший в прокат в 2017 г. В образцово пафосной киноленте президентский самолет терпит крушение вследствие взрыва на борту. В финальной сцене фильма в Катынском лесу встречаются призраки

убитых офицеров Войска Польского, покойного президента и жертв авиакатастрофы. Офицеры отдают честь президенту. Президент пожимает им руку. Туман сгущается над лесом¹.

Причинно-следственным объяснениям противопоставлялись метафорические, в которых повторяется трагическая история польских офицеров. По аналогии с «катынской ложью» коммунистов, которые сначала обвиняли в Катынском расстреле немцев, а затем замалчивали это преступление, был придуман термин «смоленская ложь». В метафорическом порядке политикам «Гражданской платформы» отводилась роль польских коммунистических властей, которые вместе с властями в Москве скрывали страшную правду, что указывало на их преступную природу.

Тем временем стремительно развивалась сюжетная линия польского мессианизма, традиционного для романтической национальной идеологии поляков. Качиньского, «принесенного в жертву» вместе с 95 другими мучениками в Смоленском лесу, стали сравнивать с Христом. Материальным символом памяти стал деревянный крест, который скауты воздвигли перед президентским дворцом в Варшаве. Возле креста устраивались всенощные бдения и «марши памяти». Толпы сторонников Пис перед крестом требовали правды о гибели пассажиров президентского борта, пели религиозные и патриотические песни, а на транспарантах писали о национальной измене, сравнивали Дональда Туска и избранного президента Бронислава Коморовского с НКВД. Ярослав Качиньский потребовал, чтобы крест оставался перед президентским дворцом до тех пор, пока на его месте не будет установлен памятник покойному президенту. Противники чрезмерной сакрализации жертв начали проводить перед крестом, охраняемым верующими, постмодернистские контрхеппинги — подходили к кресту с атрибутами Церкви Великого Макаронного Монстра и Невидимого Розового Единорога или переодевались в персонажей «Звездных войн». В месяцы уличных стычек толпы боролись за символическое господство в публичном пространстве. Ярослав Качиньский — брат-близнец трагически погибшего президента — консолидировал свой электорат и нажил политический капитал, переняв харизму своего покойного хриstopодобного катынско-смоленского брата [Kołodziejczak 2015: 156-157].

Память о Катынском расстреле, в которой Лех Качиньский являлся умершим на посту хранителем, и о Смоленской трагедии

1 Роль призраков убитых в Катыни офицеров сыграли более 150 реконструкторов из исторической группы 3-го округа Государственной полиции в Радоме.

подверглась ритуализации с помощью так называемых Смоленских ежемесячников — массовых мероприятий в память о катастрофе, проводившихся 10 числа каждого месяца под председательством Ярослава Качиньского. В течение 7,5 лет (пока в 2018 г. не был воздвигнут памятник жертвам Смоленской трагедии и памятник Леху Качиньскому) ежемесячник начинался мессой, а затем Качиньский вместе с тысячами сторонников проводили шествие возле президентского дворца, где он выступал с речами, ставшими важным элементом политического дискурса [Paluchowski, Podemski 2019: 254].

Действия политиков ПиС можно назвать, вслед за Маршаллом Салинсом, «мифопрактикой», т. е. обновлением и внедрением мифа в социальную практику для того, чтобы придать смысл текущим событиям [Sahlins 1985: 53]. Через смоленскую мифопрактику произошла реконфигурация прошлого — память о катынском расстреле была неразрывно связана со «смоленским убийством» (пол. *zamach smoleński*). Память об обоих трагических событиях послужила источником морального права на захват власти партией Качиньского. Священная память была закреплена пространственно, так как тела Леха Качиньского и его супруги были похоронены в усыпальнице Вавельского замка — национальной святыни, месте упокоения польских королей, величайших национальных поэтов и Пилсудского. Памятники павшему президенту, установленные по всей стране, свидетельствуют о триумфе исторической памяти, навязанной партией Качиньского. Драматическое и сакральное переживание прошлого стало важным элементом смоленской мифопрактики. Это сопровождается новыми формами воссоздания прошлого и активизации прежде пассивных участников юбилейных торжеств.

Мифологема сговора посткоммунистических элит с либералами, жертвами которого пали простые поляки, нашла выражение в Марше независимости, организуемом в Варшаве с 1996 г., — массовой демонстрации, посвященной восстановлению польского государства в 1918 г. Изначально организаторами и участниками марша были ультраправые активисты Национально-радикального лагеря и Всепольской молодежи. В нем принимали участие скинхеды, байкеры и реконструкторы, переодевавшиеся в польских военных и повстанцев. В 2009 г. марш стал заметным событием в СМИ, после того как на националистов напала левая контрдемонстрация, выступающая против расистских лозунгов, пропагандируемых участниками марша. В последующие годы количество участников марша постепенно увеличивалось, и в них участвовало все больше политиков от парламентских правых. В 2018 г. в связи с годовщиной столетия независимости марш прошел под патронатом президента Анджея Дуды. В нем приняли

участие 250 тыс. человек. В последние годы марши независимости начали проводить и в других городах. Организаторы создали пространство для самовыражения различных организаций и кругов, идентифицирующих себя с правым движением. Организаторы этого патриотического события эффективно использовали приобретенный политический капитал для создания партии «Национальное движение» [Rukat 2020: 14]. Марш предоставил возможность громко заявить о коллективных страхах и обидах, которые обычно в СМИ клеймят как несовременные и иррациональные: страх перед чужими, мигрантами, глобальными корпорациями, ЛГБТ, размытой идентичностью и хаосом [Napiórkowski 2019: 206-208].

Важным эффектом марша стало размытие символических границ между радикалами и консервативно-христианскими правыми. Марши имеют националистический и фанатский антураж. Доминируют флаги Польши и Правой фаланги, массово применяются петарды и дымовые шашки. Для каждого марша устанавливается девиз¹.

Представители радикального ядра марша всегда одеты в патриотическую одежду, а лица закрывают балаклавами. Важным элементом каждого марша являются реконструкторы, а в особенности реконструкторы отверженных солдат, с которыми идентифицируются годами принижаемые болельщики и праворадикалы [Рукат 2020: 14]. Практически каждое шествие сопровождается эксцессами и насилием, а участники шествия в грубой форме демонстрируют свою неприязнь к полиции, левакам и «лжеполякам». В 2011 г. более сотни активистов «Антифа» из Польши и Германии

1 Например: «Восстановим Польшу», «Мы хотим Бога», «Бог, Честь, Отечество», «Наша цивилизация — наши правила», «Польша — оплот Европы», «Польша для поляков — поляки за Польшу», «Свобода не продается». Наиболее спорными являются ксенофобские и расистские транспаранты и скандируемые лозунги: «Европа будет белой или необитаемой», «Смерть врагам Родины», «Чистая кровь — трезвый разум», «Белая Европа братских народов», «Литовские власти грабят польские земли и уничтожают школы», «Идут белые войны — национальные католики», «Долой Евросоюз», «Гомосексуализм вреден для здоровья», «Раз серпом, раз молотом, бей красную сволочь», «Степан Бандера — вафлер»; «От колыбели до гроба, польский Вильнюс, польский Львов»; «Здесь не Брюссель, а Польша — никто здесь не поддерживает извращенцев», «Мы не пустим исламистов, защитим польских коз», «Возобновить экзугмации в Едвабне», «Волянь — помним!» «Болельщики, патриоты — будьте беспощадны в борьбе с бандеровщиной и талмудизмом», «Мы — опора латинской цивилизации», «Национальная гордость», «Почет и слава героям» «Ротмистр Пилецкий рисковал жизнью за правду о немецких лагерях — берегите историческую правду».

избили реконструкторов, а в 2013 г. участники марша сожгли инсталляцию «Радуга» на площади Спасителя и подожгли сторожку в российском посольстве. Зачастую сжигаются радужные флаги и флаги ЕС и портреты «коварного» Дональда Туска. В 2021 г. участники шествия также несли насаженных на копыя окровавленных «волынских кукол», требуя правды и памяти о Волынской резне. Марш и попытки его остановить стали ежегодным театром политической борьбы, но также и театром памяти, в котором реконструированные герои идут плечом к плечу с современными патриотами.

Реконструкторы стали постоянным элементом серии патриотических и памятных церемоний. Солдаты наполеоновской эпохи, уланы и варшавские повстанцы сопровождали президента Леха Качиньского в последний путь, а в день Войска Польского реконструкторы в форме солдат 1920-х годов несут почетный караул у могилы неизвестного польского солдата в Литве. Реконструкторы сопровождают президента и премьер-министра, когда они отдают честь павшим героям. Они часто стоят рядом с реальными ветеранами, создавая спектр воплощенных репрезентаций прошлого, от свидетелей до исполнителей ролей. Реконструкции локальных сражений стали частью региональной исторической политики, средством популяризации региона и привлечения туристов. В последние годы расширилось тематическое поле реконструкции; инсценируются не только сражения (Грюнвальдская битва 1410 г., битва под Цедыней 972 г., Варшавская битва 1920 г.), но и покушения (покушение на Папу Иоанна Павла II, нападения на нацистских и коммунистических чиновников), политические события (приезд И. Падеревского в Познань в 1918 г., свадьба «отверженного» капитана Пилецкого) и повседневная жизнь, воссоздаваемая в археологических парках (праславянская деревня, поселение викингов, средневековый град). Многочисленные отряды реконструкторов практикуют качественно иную форму коллективного поминовения прошлого. Помимо зрелищности, важным аспектом здесь является активное групповое участие, требующее длительной подготовки, знаний, мастерства и финансовых затрат. Реконструкторы, изучающие и транслирующие прошлое как воплощенный опыт, становятся новым центром, генерирующим память и историческое знание, способствуя их демократизации [Agnew 2004: 335]. В этом смысле прошлое стало всеобщим достоянием, вырванным из-под монополии академических исследователей.

Театральная, костюмированная коммеморация обычно представляет собой некритический способ формирования национальной идентичности через историчность. Переодевание создает иллюзорное ощущение близости по отношению к фигурам и конфликтам

прошлого: средневековые мастера, рыцари, дворяне, повстанцы и отверженные солдаты — это на самом деле мы, одетые в костюмы из другой эпохи. Создается ощущение преемственности и неизменности нации, что позволяет переживать ключевые для национальной идентичности трагедии и победы. Реконструированные персонажи становятся ролевыми моделями для участников исторической инсценировки. Социально исключенные группы могут почувствовать себя отверженными солдатами. Предательские элиты преследовали солдат, а теперь эксплуатируют людей экономически, внушают чувство стыда за историю. Вовлечение в историческую реконструкцию является в некотором смысле формой критики сегодняшней культуры, сопротивления ее ценностям — ретроутопией, обеспечивающей социальные нормы и образцы [Baganiewska-Olszewska 2015: 92].

В патриотических реконструкциях обычно участвует множество актеров. По-иному выглядят критические реконструкции, которые обычно принимают форму авторского перформанса и по определению являются художественной деятельностью. Исключение составляет реконструкция казни Казимира Лищинского (1689), автора трактата, отрицающего существование Бога, проведенная в 2014 г. в Варшаве. Реконструкция, связанная с Маршем безбожников, была откровенно политическим актом — критикой роли католической церкви в политическом поле и защите светских основ государства. Критические реконструкции составляют ничтожный процент всех постановок, что позволяет сделать вывод, что историческая реконструкция в Польше является инструментом, используемым в основном для формирования национальной идентичности.

63

Еврей как фигура мирового капитализма, пронзенная языческим копьем

Новый режим историчности, основанный на реконструкции, перформансе и мифопрактике, дает возможность позиционировать актеров политической сцены как врагов, предателей и патриотов, а также наделять моральным авторитетом политиков, которые объявили себя наследниками давних героев. С помощью идентификации этот режим создает эмансипаторный потенциал для некоторых социальных групп, дает им словарь, усиливающий их позиции в обществе и помогающий формулировать политические требования. В то же время этот режим де-факто преодолевает причинно-следственный нарратив историографии, заменяя его мифо-историческими аналогиями, что в ситуации плюрализма субъектов публичной истории создает опасность порождения неканонических

перформативных историй. Такое событие произошло во время празднования Дня независимости, торжественно отмечаемого радикальными националистами 11 ноября 2021 г. в Калише.

На городской площади, на небольшой сцене в присутствии нескольких сотен демонстрантов Войцех Ольшанский, директор исторических реконструкций, одетый в мундир, стилизованный под форму отверженного полевого командира, в течение получаса выступал с речью. Размахивая черной книгой, символизирующей текст «Калишского статута» — правового акта 1264 г., созданного князем Болеславом V Благочестивым, который впервые юридически узаконивал нахождение евреев на подвластных ему территориях и предоставлял им привилегии, лидер националистов объявил, что привилегии — это мистификация, с помощью которой евреи в Польше начали заниматься ростовщичеством, породившим современную банковскую систему. На эти «фальсифицированные» привилегии, по его мнению, опираются современные требования о реституции еврейской собственности, утраченной во время войны. В кульминационный момент Ольшанский пронзил Калишский статут «копьем Ведуна» и поджег его, одновременно произнося перформативную речь:

64

Мы аннулируем его, ликвидируем, сжигаем пошлину, разводимся. Мы отменяем еврейские законы на этой земле навсегда — аминь! Это воля свободных поляков! Никаких статут — никаких актов! Смерть врагам Польши! [в ответ толпа трижды крикнула: «Смерть! Смерть! Смерть!»] Вот устав, который я насажу на копье Ведуна, и он будет сожжен на наших глазах, огонь поглотит его — мы вернемся домой свободными и счастливыми. Это только символ, но этот процесс должен произойти в наших головах, в умах наших детей, в умах наших внуков. Никогда больше поляк не будет рабом еврея!

После поджога «Статута» толпа начала скандировать: «Это Польша, а не Полин!»¹. Затем прозвучала патриотическая песня «Рота» (Клятва):

Мы не оставим землю, откуда мы родом / Мы не позволим нашей речи быть похороненной / Мы польская нация, мы польский народ / Из королевского рода Пястов / Мы не позволим врагам германизировать нас / Так да поможет нам Бог / Так да поможет нам Бог. До последней капли крови в наших жилах / Мы будем защищать наш Дух / Покуда в прах и пепел / Не развеется тевтонская буря. Каждый родной порог станет нам бастионом / Так да поможет нам Бог / Так да поможет нам Бог. Не будут немцы плевать нам в лицо / Не будут германизировать наших детей / Наша рать возьмется за оружие / Святой Дух укажет нам

1 Полин — Польша на идише.

путь/Выступим, когда затрубит золотой рог/Так да поможет нам Бог/Так да поможет нам Бог. Мы не больше не потерпим бесчестия польского имени/Мы не сойдем живыми в могилу/Во имя польского имени, во имя его славы/Мы будем высоко и гордо держать голову/И внукам возвратим землю пращуров/Так да поможет нам Бог/Так да поможет нам Бог.

После исполнения гимна организатор демонстрации Александр Яблоновский (он же Войцех Ольшаньский) сказал:

Свершилось, мы свободны от еврейского лицемерия — мы свободны от еврейской лжи. Горит, горит — будет гореть. Диктат Калишского статута в Польше закончился. Смерть врагам Польши! Да здравствует великая Польша!

Через несколько дней организаторы митинга были арестованы по обвинению в разжигании межнациональной розни, а демонстрация была осуждена президентом Анджеем Дудой как «акт отвратительного антисемитизма». Несмотря на то что органы государственной власти отrekliсь от связи с участниками этого события, трудно отрицать, что оно вписывается в перформативную парадигму мифоистории, выработанную в последние годы в публичном пространстве правыми политиками. Мундиры отверженных солдат, тезисы о фальсификации истории, перформативный спектакль — все это реквизиты, позаимствованные у активной исторической политики, продвигаемой партией «Право и справедливость».

65

Выводы

В постсоциалистической Польше возникли две конкурирующие парадигмы работы с прошлым. Первая, ориентированная на либеральный и примирительный патриотизм, направленный на интеграцию в ЕС, пытается учитывать исторические нарративы соседей и нацменьшинств. Именно так следует воспринимать высказывания лидеров «Гражданской платформы» об уважении к бойцам Красной Армии, которые боролись с нацизмом, при одновременном отказе от тоталитарных советских ценностей. Вторая парадигма — националистическая, критически относится к идеологическим тенденциям в ЕС, направлена на устранение внутренних и внешних врагов, а также на поощрение национальной гордости. Партия «Право и справедливость» радикально переосмыслила не только социалистический опыт, но и годы постсоциалистической трансформации.

В то время как ПиС разработала довольно последовательную историческую политику, левые и либералы в последние годы дей-

ствовали реактивно, комментируя и пытаясь разоблачить правую мифологию. Конечно, правые круги не обладают монополией на коллективную память и публичную историю, хотя некоторые формы памяти, например, те, что положительно оценивают социалистический опыт, маргинализируются как «неправильная память», а представляющие ее субъекты лишены права представлять и интерпретировать прошлое [Пешков 2013: 89]. В условиях, по крайней мере временного, поражения либеральной исторической повестки, дискредитированной как «педагогика стыда» как альтернатива элитарной «дворянской национальной истории», альтернативные фреймы для прошлого и национальной общины продвигают новые левые вместе с сочувствующими им исследователями. Так называемая народная история Польши обращает внимание на экономическое и социальное положение низших классов — крестьян и рабочих. С помощью элементов постколониальных и марксистских теорий совершаются попытки деконструкции героической польской историографии с ее пантеоном героев как культурной гегемонии высших классов. Помимо растущего числа научно-популярных изданий, изображающих крепостное право как рабство или разоблачающих промискуитет дворянства, эксплуатировавшего крестьянок, появились музыкальные коллективы, восхваляющие крестьянские восстания или забастовки рабочих. Проблема пропаганды народной исторической парадигмы заключается в том, что она производится и распространяется преимущественно в кругах левой интеллигенции, не выработавшей конкурентноспособных практик всеобщей интернализации пролонгируемых образов прошлого. Оппозиция так и не нашла эффективной альтернативы для проводимой правительством политики исторической обиды, опирающейся на трансформационный ресентимент многочисленных социальных групп.

Библиография / References

Гросс Т. Я. (2002) *Соседи: История уничтожения еврейского местечка* (пер. В. С. Кулагиной-Ярцевой), М.: Текст.

— Gross T. Ya. (2002) *Neighbors: The history of the destruction of the Jewish town* (translated by V. S. Kulagina-Yartseva), M.: Text. — in Russ.

Пешков И. О. (2013) Историография и память в эпоху перемен: борьба за польское прошлое как продолжение политики академическими и неакадемическими методами. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2(2): 84–96.

— Peshkov I. O. (2013) Historiography and memory in an era of change: the struggle for the Polish past as a continuation of politics by academic and non-academic

methods. *News of the Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies*, 2(2): 84-96. — in Russ.

Agnew V. (2004) Introduction: What is reenactment? *Criticism*, 46 (3): 327-339.

Babińska et al. (2018) Stosunek do Żydów i ich historii po wprowadzeniu ustawy o IPN, Warszawa: Centrum Badań nad Uprzedzeniami.

Baraniecka-Olszewska K. (2015) Naprzód do przeszłości! Rekonstrukcje historyczne między historią a teraźniejszością. *Etnografia Polska*, 59 (1-2): 87-96.

Bereza M. (2020) Czarnek o wizji UE: Doszliśmy w Europie do poziomu gorszego niż ZSRR i komunizm (<https://wiadomosci.radiozet.pl/Polska/Polityka/Przemyslaw-Czarnek-o-wizji-Europy-Doszliśmy-do-poziomu-gorszego-niz-ZSRR-i-komunizm>)

Billig M. (1995) *Banal Nationalism*. London: SAGE Publications.

Doroszkiewicz J. (2020) Komunikat Kancelarii Świętego Soboru Biskupów Świętego Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego 17.03.2020 (<https://www.orthodox.pl/komunikat-kancelarii-sw-soboru-biskupow-11/>)

Duda A. (2017) Odzyskana pamięć — rozmowa TVP Historia z Prezydentem RP o polityce historycznej (<https://www.youtube.com/watch?v=Z8C0IaZTZLA>)

Dz.U.2018.1277 (2018) Ustawa z dnia 27 czerwca 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej — Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary (<https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216,Ustawa.html>)

Engelking B. (ed.) (2004) *Zagłada żydów. Pamięć narodowa a pisanie historii w Polsce i we Francji*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Grajewski A. (2012) Pedagogika wstydu czy dumy? (<https://www.gosc.pl/doc/1374467.Pedagogika-wstydu-czy-dumy>)

Hirsch M. (2008) The Generation of Postmemory. *Poetics Today*, 29 (1): 103-128.

Hołda R. (2020) "Jesteście w naszej pamięci": polskie murale jako nośniki pamięci i popularna forma patriotyzmu. *Relacje Międzykulturowe*, 1 (7): 47-64.

Isakowicz-Zaleski T. (2008) *Przemilczane ludobójstwo na Kresach*. Kraków: Małe Wydawnictwo.

Kaczyński J. (2020) J. Kaczyński dla „GPC” o naciskach ze strony Unii i głosowaniu ws. budżetu: "Będzie weto!" (<https://niezalezna.pl/357330-j-kaczynski-dla-gpc-o-naciskach-ze-strony-unii-i-glosowaniu-ws-budzetu-bedzie-weto>)

Kołodziejczak M. (2015) Rocznicowe rytuały smoleńskie w perspektywie neodurkheimizmu. *Przegląd Politologiczny*: 147-159.

Korzeniewsk B. (2014) Transformacja pamięci — o nieliniowym charakterze przemian w pamięci Polaków. *Sensus Historiae*, 9(4): 11-22.

Mendel, M. (2018) Pamięć, ideologia, władza. Uczenie się zapominania. *Forum Oświatowe*, 31(1): 25-36.

Mazowiecki T. (2021) Exposé 24 sierpnia 1989 roku. J. Marszałek-Kawa, P. Siemiątkowski (eds) *Exposé prezesów rady ministrów 1989-2019*, Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.

Michoń L. (2016) *Mechanizm rytualny O modelu ofiarniczego ustanawiania nowego ładu politycznego*, Wrocław: Państwowe Pomaturalne Studium Kształcenia Animatorów Kultury i Bibliotekarzy.

Paluchowski W., Podemski K. (2019) Mowy miesięcznicowe Jarosława Kaczyńskiego jako spektakl władzy, *Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny*, 4: 253-268.

Rukat R. (2020) O „zwykłych ludziach” na Marszu Niepodległości: Etnografia demonstracji ulicznej. *Adeptus*, 16, Article 2139. <https://doi.org/10.11649/a.2139>

Siemaszko E. (2013) *Wołyń 1943. Wołając z grobów, których nie ma* — katalog wystawy, Szczecin: IPN.

Sahlins M. (1985) *Islands of History*. Chicago: University of Chicago Press.

Szkudlarek T. (2018) Pedagogika wstydu i bezwstydną polityka. *Forum Oświatowe*, 30 (1): 37-52.

Szwagrzyk K. (2016) Nasza ludzka powinność — интервью брал К. Pięciak. *Tygodnik Powszechny*, 9 (28.02.2016).

Todorova M. (2009) *Imagining the Balkans*, Oxford: Oxford University Press.

Thompson, E. (2014) It is Colonialism After All: Some Epistemological Remarks. *Teksty Drugie*, 1: 67-81.

Turner V. (1975) *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*, Ithaca, NY.: Cornell University Press.

Wise A. (2010) Postcolonial Anxiety in Polish Nationalist Rhetoric. *The Polish Review*, 55(3): 285-304.

Wolff-Powęska A. (2017) Pamięć Wyzwolona, pamięć Zniewolona: Kultura Historyczna W Procesie Transformacji. *Politeja*, 14 (47): 7-22 (<https://doi.org/10.12797/Politeja.14.2017.47.02>)

Zeitlin F. (1998) The Vicarious Witness: Belated Memory and Authorial Presence in Recent Holocaust Literature. *History and Memory*, 10 (2): 5-42.

Рекомендация для цитирования:

Шмыт З. (2022) Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше. *Социология власти*, 34 (1): 39-68.

For citations:

Szmyt Z. (2022) Reassembling the Past as an Instrument of Political Struggle: Public History in Post-Socialist Poland. *Sociology of Power*, 34 (1): 39-68.

Поступила в редакцию: 12.01.2022; принята в печать: 20.02.2022

Received: 12.01.2022; Accepted for publication: 20.02.2022